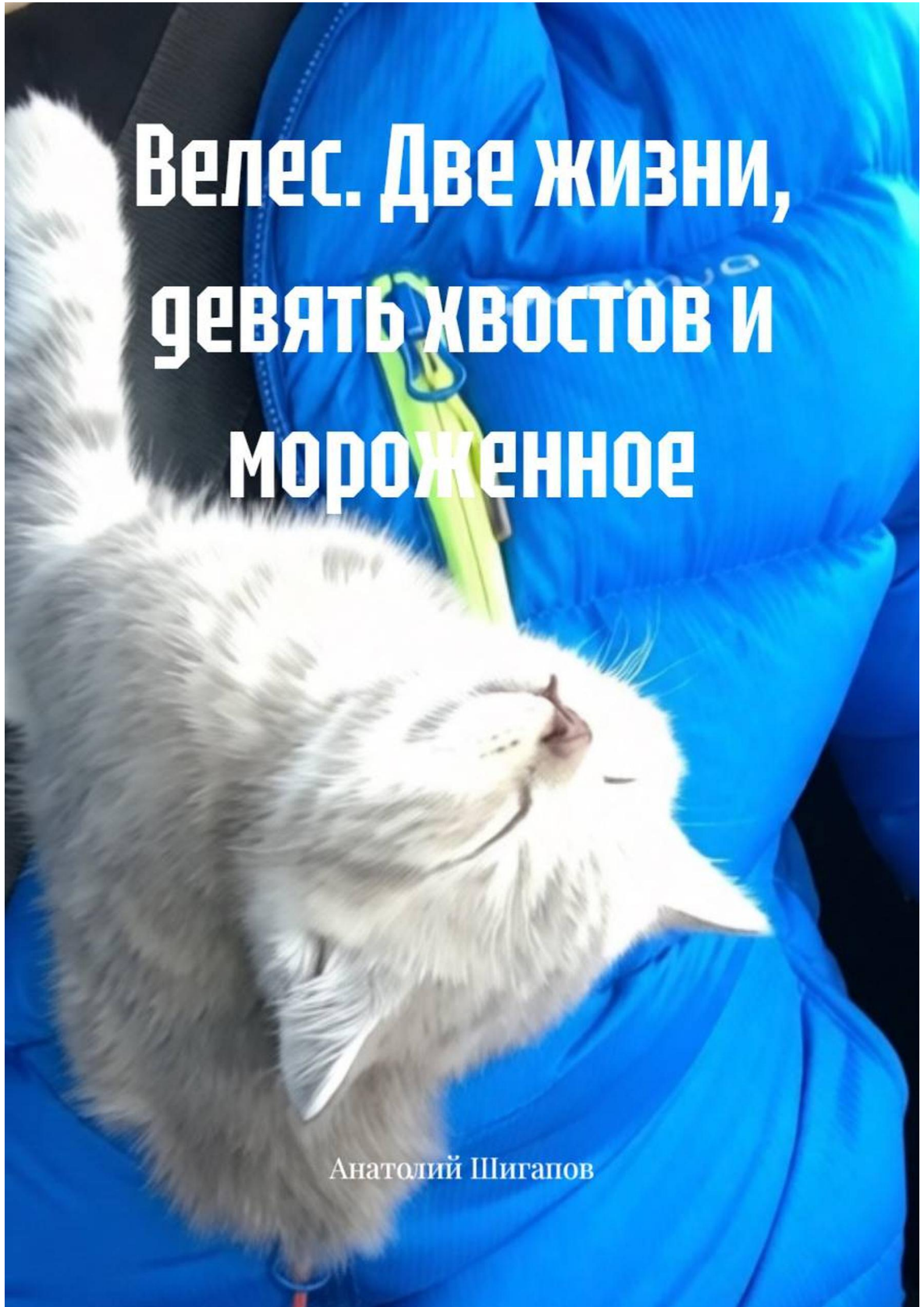

A fluffy white cat is lying on its back on a bright blue jacket. The cat's head is tilted back, and its eyes are closed. A green zipper pull is visible on the jacket near the cat's head. The background is dark.

Велес. Две жизни, девять хвостов и мороженное

Анатолий Шигапов

ВЕЛЕС

Анатолий Шигапов

**Велес. Две жизни, девять
хвостов и мороженное**

«Автор»

2026

Шигапов А.

Велес. Две жизни, девять хвостов и мороженное / А. Шигапов — «Автор», 2026 — (ВЕЛЕС)

Меня зовут Велес. Я - британский голубой кот, потомственный аристократ. Мой человек считает, что он меня воспитывает. На самом деле это я его дрессирую. У нас есть ритуалы: мороженное по вечерам, битва с перчаткой по выходным и бесконечное ожидание, когда он возвращается из командировок. Эта книга - история о том, как мы с Иваном учились ждать, прощать и не сдаваться. О том, как я получил паспорт, пережил уколы у ветеринара и в конце концов понял, что иногда уехать - значит спасти себя. И о том, что даже если ты лев, ты имеешь право бояться ласточек с огромными когтями. Юмористический роман от первого лица - кота Велес. С участием умного дома, робота-пылесоса и большого количества мороженого.

© Шигапов А., 2026

© Автор, 2026

Анатолий Шигапов

Велес. Две жизни, девять хвостов и мороженное

Посвящается, Любе.

Той, кто приносила сметану, заботилась обо мне и называла меня «Принц».

Той, кто переживала за меня, когда думала, что я сплю, и всегда гладила, когда я ходил.

Ты ушла, но запах твой остался в моей памяти навсегда.

Сметану теперь я буду есть сам, но помнить тебя – буду всегда.

Твой Велес.

От автора

Эту книгу написал не я.

Ну, то есть формально – я. Сидел за компьютером, стучал по клавишам, правил запятые, мучился с диалогами. Но на самом деле всё это время рядом сидел серый кот с жёлтыми глазами и терпеливо ждал, когда я запишу то, что он мне надиктовывает.

Иногда он терял терпение и начинал орать. Тогда я откладывал клавиатуру, шёл на кухню, открывал холодильник, доставал мороженное. Мы ели его вместе – я откусывал вафлю, он орал, я давал ему кусочек. Ритуал был нерушим. Потом он садился мне на колени, мурлыкал, и мы продолжали.

Если вы ждёте от этой книги глубокого философского трактата о смысле жизни – не ждите. Здесь нет никакого смысла, кроме одного: кот. И человек. И сметана. И мороженное. И перчатка, которую он драл когтями с такой яростью, что я боялся за свои пальцы. И Люба, которая приносила сметану и читала по вечерам, пока Велес спал у неё на коленях.

Эта книга – для неё. Для Любы. Для женщины, которая кормила кота сметаной и называла его «наш Принц». Для той, кого больше нет, но чей запах до сих пор живёт в памяти серого нахала, спящего сейчас на моей клавиатуре.

Я не знаю, как Велес отнёсся к тому, что я записал его историю. Наверное, он считает, что я всё переврал. Что я недостаточно ярко описал его охоту за воробьями, недостаточно эпично – битвы с перчаткой, недостаточно вкусно – мороженное. Возможно, он прав. Но я записал, как смог. Остальное пусть додумает читатель. Или сам кот, если захочет написать продолжение.

А я пока пойду открою холодильник. Мороженное стынет, а Велес уже орёт.

Глава 1. Гаррисон Виер и явление меня миру

Я не помню момента, когда я открыл глаза. Не потому, что это было слишком давно, а потому, что первые недели жизни – это сплошной туман, состоящий из тепла, молока и толкотни. Говорят, люди помнят себя с трёх, четырёх лет. Я – с трёх недель. И то только потому, что мне пришлось бороться за место у самого вкусного соска, а такие унижения забывать не положено аристократу.

Всё началось с того, что я был. Просто был – маленький, мокрый, слепой и страшно возмущённый тем, что меня куда-то вытолкнули из тёплого, тесного, идеального пространства. Первое, что я ощутил, – холод. Второе – язык. Большой, шершавый язык, который прошёлся по моей морде, по ушам, по животу, и холод отступил. Это была мать. Я не знал тогда, что её зовут Герцогиня Элинор фон Блю, что у неё родословная в три страницы и она – победительница выставки в Санкт-Петербурге. Для меня она была просто теплом, которое пахло молоком и безопасностью.

Я слеп, глух и ничтожен – таково первое впечатление от мира. Но инстинкт, древний, как сам кошачий род, шептал мне: найди сосок, сожми, глотай. Я пополз. Вокруг меня копошились другие тёплые комочки. Я чувствовал их запахи, их дыхание, их борьбу. Мы были выводком – восемь котят. Четыре девочки, четыре мальчика. Я был где-то в середине, ни первым, ни последним, но очень настойчивым.

Первые дни я не различал ничего, кроме маминого живота. Мы спали, ели, пищали, снова спали. Иногда пространство вокруг нас менялось: мать уходила, и тогда наступала тишина, нарушаемая только нашим беспокойным копошением. Но она всегда возвращалась, и мир снова становился правильным.

Я быстро понял, что в этой куче-мале есть иерархия. Самые крупные котята – два моих брата, которых я про себя называл Толстый и Длинный, – захватывали лучшие места у самых молочных сосков. Они отпихивали нас задними лапами, и мы, мелюзга, довольствовались тем, что оставалось. Я был не из мелких, но и не из крупных. Я был... стратегом. Я ждал, когда Толстый насытится и отвалится, и тогда проскальзывал на его место. Иногда Длинный пытался меня оттолкнуть, но я вцеплялся в сосок мёртвой хваткой и не отпускал, даже когда меня подвешивали в воздухе. Мать терпела.

– У этого характер, – говорила она, наверное, про себя. А может, и вслух – я тогда ещё не разбирал слов.

А потом, где-то на десятый день, мои глаза начали открываться. Сначала одна щёлочка, потом другая. Мир ворвался в меня мутным, размытым пятном. Я не понял ровно ничего. Свет. Большой свет. И тени. Я зажмурился и решил, что слепота была лучше.

Но постепенно я привык. Глаза прояснились, и я увидел свою семью. Мать – большая, серая, с благородным разрезом глаз и спокойным, чуть надменным выражением морды. Она была красавицей. Настоящей аристократкой. Братья и сёстры – серые комочки, все на одно лицо, но каждый со своим характером.

Я пересчитал их. Восемь. Четыре мальчика, четыре девочки. Я запомнил каждого. Не по именам (имена нам дадут потом, когда станет ясно, кто на что годится), а по запахам и повадкам.

Толстый брат – его позже назовут Маркизом. Он был самым крупным, самым сонным, самым флегматичным. Он первым находил самый удобный сон, последним просыпался к кормёжке, но когда просыпался – отпихивал всех локтями. Он не злился, он просто был большим и медленным, как лавина.

Длинный брат – будущий Блэкмор. Он был худым, угловатым, вечно куда-то лез. Он первым научился вылезать из нашей корзины, первым открыл глаза, первым начал ходить. Он был исследователем, и я его уважал, даже когда он наступал мне на хвост.

Третий брат – его назовут Графом. Он был незаметным. Серый на сером. Он всегда держался в тени, ел последним, спал с краю. Я иногда забывал, что он существует, а потом вдруг замечал его сидящим в углу и смотрящим на всех немигающим взглядом. В нём была какая-то древняя мудрость, которая меня пугала.

И я – четвёртый брат. Меня пока никак не называли, но я уже знал, что я особенный. Моя шерсть была чуть темнее, чем у остальных, лапы чуть длиннее, а взгляд – я это чувствовал – был таким же надменным, как у матери.

Четыре сестры. Самую крупную звали Виолетта. Она была задиристой, вечно лезла в драку с мальчиками и часто побеждала. Вторую – Камелия, тихая, ласковая, она любила забираться на мамину шею и спать там. Третью – Арабелла, пугливая, она вздрагивала от каждого шороха и пищала громче всех. И четвёртую – Снежинка. Она была единственной, у кого на лапке было белое пятнышко, за что Гаррисон потом будет её особенно ценить.

Мы жили в вольере. Так Гаррисон называл огромную конструкцию из сетки и дерева, которая занимала полкомнаты. Там были лежанки, кормушки, лоток, игрушки и куча свобод-

ного пространства для беготни. Сначала нам, слепым котяткам, было всё равно, где мы. Но когда мы прозрели и окрепли, вольер стал нашим миром. Мы изучали каждый угол, каждую щель. Мы играли в догонялки, учились охотиться на игрушечных мышей, дрались за самые высокие лежанки.

Мать наблюдала за нами с философским спокойствием. Она позволяла нам лазать по ней, кусать её за уши, дёргать за хвост. Иногда, когда мы слишком шумели, она лениво приоткрывала один глаз и издавала короткое «мр-р-р», что означало: тише, маленькие идиоты. Мы на секунду замирали, а потом начинали снова.

Где-то на четвёртой неделе в нашу жизнь вошёл Он. Человек. Я уже слышал его раньше – тяжёлые шаги, низкий голос, запах табака и чего-то ещё, что я потом научился называть «одеколон». Но до этого он не вмешивался. Теперь же он начал появляться в нашей комнате регулярно.

Его звали Гаррисон Виер. По крайней мере, так он представлялся всем, кто звонил ему по телефону. Для нас, котят, он был просто «Человек с холодными руками». Он подходил к нашему вольеру, открывал дверцу и запускал внутрь свои огромные лапищи. Он брал нас по одному, вертел, заглядывал в глаза, щупал животы, раздвигал шерсть и что-то бормотал.

– Маркиз – крупный, хороший костяк, в разведение пойдёт, – говорил он, держа Толстого брата за шкирку. Тот висел сонный и равнодушный, как мешок с картошкой.

– Блэкмор – перспективный, но слишком худой, надо откормить.

– Граф... хм, экстерьер слабоват, возможно, пет-класс.

– А этот, – он взял меня, и я впервые почувствовал его холодные пальцы на своём животе, – отличный мальчик. Посмотрите на голову, на уши, на окрас. Шоу-класс, однозначно.

Я не понимал слов, но я понимал интонации. И я понимал, что он оценивает нас. Как заводчик оценивает свой товар. Потому что Гаррисон Виер был не просто человеком, который любил кошек. Он был тем, кто делал на них бизнес.

Позже, когда я вырос и научился анализировать, я понял, что Гаррисон был не плохим человеком. Он был хорошим заводчиком – чистоплотным, ответственным, он кормил нас лучшим кормом, возил к ветеринару, следил за прививками. Но для него мы были не личностями. Мы были носителями крови, экстерьера, окраса. Мы были «британские голубые, линия Челси-Блю, потомки того самого кота с выставки в Милане».

Кстати, о том самом коте. Отец.

Я видел его редко. Он жил в другой части дома, в отдельном вольере. Гаррисон выпускал его иногда в общую комнату, и тогда отец проходил мимо нашего вольера с видом римского императора, обходящего свои владения. Это был огромный кот, серый, с тяжёлой головой и жёлтыми глазами, в которых застыло вечное презрение ко всему существу. Его звали Лорд Виндзор Блю. Он был чемпионом. У него были кубки. Он был аристократом до мозга костей.

Отец никогда не обращал на нас внимания. Он проходил мимо, даже не поворачивая головы, и его запах – мужественный, резкий, с нотками победителя – оставался в воздухе ещё несколько минут. Мы, котята, замирали, когда он проходил. Даже Толстый брат переставал жевать. Это было благоговение. Или страх. Я до сих пор не решил.

– Он наш отец? – спросил я как-то у матери, когда она вылизывала мне ухо.

Она посмотрела на меня долгим взглядом и ответила:

– Он – твоя родословная, мальчик. Он – то, ради чего тебя будут покупать. Запомни это.

Я запомнил. Но тогда мне было важно другое: почему он нас не замечает? Почему не играет с нами, не учит охотиться, не защищает? Позже я понял: у аристократов свои правила. Отец сделал своё дело – дал нам кровь, окрас, форму ушей и длину хвоста. Всё остальное – не его забота.

Наши дни текли однообразно и счастливо. Мы ели, спали, играли, дрались, учились у матери уму-разуму. Она показывала нам, как правильно точить когти (о специальную доску,

а не о лежанку, хотя доску мы игнорировали), как пользоваться лотком (это было сложно, но мы освоили), как умываться (языком, снизу вверх, тщательно). Она была строгой, но справедливой. Если кто-то из нас слишком больно кусал брата, она брала его за шкурку и оттаскивала в угол. Если кто-то отказывался от еды – она вылизывала его с таким усердием, что бедолага потом молил о пощаде.

А потом начали приходить чужие люди.

Первыми исчезли сёстры. Сначала Камелия. Пришла молодая пара, долго сюсюкала с ней, Гаррисон достал бумаги, и Камелию унесли в переноске. Я помню, как мать смотрела ей вслед. Её глаза были спокойны, но хвост дрогнул.

– Куда она? – спросил я.

– В свой дом, – ответила мать. – У каждого кота должен быть свой человек.

– А почему не у нас?

– Потому что здесь – питомник. Это не дом. Это место, откуда мы уходим.

Я не понял тогда. Но запомнил.

Потом исчезла Виолетта. Её взяла женщина с громким голосом, которая уже брала котят у Гаррисона раньше. Потом Арабелла. Её забрал мужчина с бородой, который долго мялся и спросил: «А она не будет бояться?» Гаррисон заверил, что не будет. Я думаю, он соврал. Арабелла боялась всего.

Потом исчезла Снежинка, та, что с белым пятнышком. За неё Гаррисон запросил больше денег, и её увёз человек в дорогой машине. Я смотрел, как переноска исчезает за дверью, и чувствовал, как внутри меня разрастается пустота. Нас было восемь. Стало четыре.

Сёстры ушли все до одной. Остались только мальчики.

Следующим ушёл Толстый брат, Маркиз. Его взял заводчик из другого города – для разведения. Гаррисон долго обсуждал с ним условия, показывал родословную, говорил о будущих помётах. Маркиза упаковали в переноску, и он даже не проснулся, когда его уносили. Я завидовал его спокойствию.

Потом Длинный брат, Блэкмор. Его взяла семья с детьми. Дети визжали от восторга, Блэкмор вырывался, но его засунули в переноску и унесли.

Потом Граф. Его долго никто не брал. Он был незаметным, и Гаррисон уже начал говорить, что оставит его себе. Но пришла пожилая женщина, посмотрела на Графа, и сказала: «Этот – мудрый. Мне нужен мудрый кот». Графа унесли.

Нас было восемь. Потом четыре. Потом два. Потом один.

Я остался.

Я остался один в огромном вольере, где раньше копошились восемь котят, а теперь только мать и я. Мать смотрела на меня с какой-то новой грустью, которой раньше не было. Она стала чаще меня вылизывать, чаще прижимать к себе.

– Ты особенный, – сказала она однажды. – Гаррисон готовит тебя к выставке. Ты должен стать звездой.

– А потом?

– А потом – свой дом. Свой человек.

– А ты?

– А я останусь здесь. Это моё место.

Я не хотел своего человека. Я хотел, чтобы все вернулись. Чтобы снова было шумно, тесно, чтобы кто-то наступал мне на хвост, а я отпихивал его лапой. Но мир не спрашивал, чего хочу я.

Гаррисон начал готовить меня к выставке. Это было изнурительно. Меня мыли специальным шампунем, который пах так, что у меня щипало в носу. Меня расчёсывали металлической щёткой, выдирая лишнюю шерсть. Меня учили стоять на столе, не двигаясь, пока Гар-

рисон водил вокруг меня руками. Меня кормили каким-то особенным паштетом, который был вкусным, но я отказывался есть из принципа.

– Ты должен быть в форме, – говорил Гаррисон, запихивая мне в рот кусочек. – Ты – шоу-класс, парень. Не подведи.

Я не знал, что значит «шоу-класс», но понял, что это важно. Потому что Гаррисон относился ко мне теперь иначе. Он не просто хватал меня холодными руками, он говорил со мной, смотрел в глаза, даже иногда чесал за ухом, когда думал, что никто не видит.

– Хороший мальчик, – бормотал он. – Красивый мальчик.

Я начинал привыкать к нему. Начинал даже доверять. Но где-то глубоко во мне жило предчувствие, что это ненадолго.

Выставка, на которую меня готовили, должна была быть в Москве. Гаррисон говорил по телефону о бронировании, о документах, о том, что «этот котёнок точно возьмёт приз». Я слушал и думал, что, может быть, Москва – это моё будущее. Может, я стану чемпионом, как отец. Может, у меня будут кубки.

Но судьба распорядилась иначе.

За три дня до выставки в дом пришёл человек. Я не слышал разговора – я спал на лежанке, свернувшись клубком. Но я почувствовал запах. Новый запах. Не такой, как у Гаррисона. Этот пах усталостью, кофе, бумагой и ещё чем-то... одиноким, что ли. Я приоткрыл глаз.

В комнату вошёл молодой мужчина. Высокий, темноволосый, с усталым лицом. Он был одет в простую куртку и джинсы, и он смотрел на меня. Не на мать, не на кубки, не на вольер. На меня.

– Это тот самый? – спросил он.

– Да, – ответил Гаррисон. – Лучший из помёта. Шоу-класс. Я его на выставку хотел, но... – он вздохнул. – Ладно, если тебе нужен кот, бери. Другу отдам.

Я наострил уши. Другу? Этот усталый человек – друг Гаррисона? Они были непохожи. Гаррисон – шумный, деловой, пахнувший табаком и успехом. Этот – тихий, словно потухший.

Человек подошёл к вольеру и наклонился. Я смотрел на него снизу вверх. Он протянул руку. Я не зашипел. Я втянул носом его запах и почувал что-то странное. Он пах домом. Не питомником, не выставкой, а домом. Местом, где можно спать, где никто не тыкает тебя холодными пальцами, где есть своя территория.

– Можно? – спросил он у Гаррисона.

– Бери.

Человек открыл дверцу вольера и осторожно, почти благоговейно, взял меня на руки. Я впервые был так высоко – выше, чем когда меня поднимал Гаррисон. Я смотрел на мир с высоты человеческих плеч, и мир казался огромным.

– Как его зовут? – спросил человек.

– Мы его не называли ещё, – сказал Гаррисон. – Ждали результатов выставки. Хотели дать победную кличку.

Человек посмотрел на меня. Я посмотрел на него.

– Велес, – сказал он вдруг. – Будет Велес.

– Почему Велес? – удивился Гаррисон.

– Славянский бог. Скотий бог. Покровитель домашнего скота и... – он усмехнулся, – вообще всего, что движется.

Я не понял, что такое «скотий бог», но слово мне понравилось. Велес. Твёрдое, звучное. С достоинством.

– Ладно, – кивнул Гаррисон. – Велес так Велес. Только ты с ним аккуратно, Иван. Он у меня шоу-класс, аристократ. К нему подход нужен.

– Найду подход, – ответил Иван.

Он убрал меня в переноску. Я не сопротивлялся. Впервые в жизни я не хотел сопротивляться. Я только оглянулся на мать. Она стояла в вольере, смотрела на меня, и её глаза были спокойны. Она слегка прищурилась – это был её способ сказать «прощай, будь счастлив».

Я ответил ей таким же прищуром.

Глава 2. Коробка, тряска и тёплая куртка

Первое, что я осознал, когда мы вышли из дома Гаррисона, – это воздух. Он был другим. Не тем спёртым, пахнущим кормом и кошачьей шерстью воздухом питомника, а настоящим, живым, огромным. Он дул откуда-то сбоку, касался моей морды через дырочки в переноске, и я втягивал его с ужасом и восторгом одновременно. В нём было столько всего! Бензин – резкий, химический, от которого хотелось чихать. Трава – зелёный, свежий запах, которого я никогда не знал. Дым – горький, далёкий. И ещё сотни, тысячи других, которые у меня не было названий, но которые въедались в память навсегда.

Переноска качалась в такт шагам Ивана. Я пытался удержать равновесие, цепляясь когтями за пластиковое дно, но каждый шаг отбрасывал меня то вперёд, то назад. Я решил, что это самое ужасное испытание в моей жизни. Я ошибался. Самое ужасное было впереди.

– Ничего, маленький, – услышал я голос Ивана. Он звучал приглушённо, через пластик, но я различал интонацию – он пытался меня успокоить. – Сейчас сядем в машину, и поедem.

Машина. Я не знал, что это такое. Я слышал это слово от Гаррисона, когда он говорил по телефону: «Машина сломалась», «На машине доберусь». Но что это за зверь, я не представлял. Теперь я узнал.

Иван остановился. Я услышал какой-то щелчок, потом скрип, и меня поставили на твёрдую поверхность. Переноска перестала качаться. Я замер, прислушиваясь. Вокруг было тихо, но эта тишина была не домашней, не уютной. Она была чужой, напряжённой.

– Ну, поехали, – сказал Иван, и в тот же миг что-то громко заурчало прямо подо мной.

Я подпрыгнул, ударился головой о крышку переноски и зашипел. Урчание было низким, вибрирующим, оно проходило сквозь пластик, сквозь мои лапы, сквозь всё моё тело. Это был не живой звук. Это было чудовище. Металлическое чудовище, которое дышало огнём и дрожало от нетерпения.

– Тш-ш-ш, – донёсся голос Ивана. – Это мотор. Не бойся.

Не бойся? Легко ему говорить. Он сидит где-то там, наверху, а я заперт в пластиковой коробке, и подо мной ревьёт дракон. Я забился в угол переноски, свернулся клубком и решил, что если мне суждено погибнуть, то хотя бы с достоинством.

Чудовище дёрнулось. Я вцепился когтями в дно, но меня всё равно бросило вперёд, потом назад, потом в сторону. Переноска заскользила по сиденью – я почувствовал, как она ударилась о что-то мягкое и остановилась. Иван что-то сказал, но я не разобрал. Все звуки смешались в один сплошной гул.

А потом мы поехали.

Это было не похоже ни на что, что я испытывал раньше. Мир за пластиковыми стенками превратился в сплошной поток звуков и вибраций. Меня бросало из стороны в сторону, подбрасывало, опускало. Я пытался найти точку опоры, но её не было. Мои лапы скользили, когти царапали пластик, я снова и снова падал на бок.

Я закрыл глаза. Может быть, если не видеть этого кошмара, он исчезнет? Не исчез. Вибрация стала только сильнее. Я чувствовал, как переноска дрожит вместе с машиной, как эта дрожь проникает в мои кости, в мою голову, в мой желудок. Меня начало подташнивать. Я никогда раньше не знал, что такое тошнота, но сейчас понял: это когда весь мир внутри тебя переворачивается, и ты хочешь, чтобы он остановился.

Запахи тоже изменились. Через вентиляционные отверстия просачивались новые, незнакомые: горячий металл, разогретый пластик, что-то сладкое и одновременно противное –

наверное, освежитель воздуха, который Иван повесил в салоне. Я зажал нос лапой, но запахи всё равно проникали, смешивались, вызывали головокружение.

Я попытался вспомнить, что говорила мать. Она рассказывала, что котята покидают дом, когда приходит их человек. Она говорила, что это нормально, что так устроен мир. Но она не говорила, что этот мир трясётся, ревёт и пахнет так, будто его облили бензином и подожгли. Наверное, она сама никогда не ездила в машине. Её мир заканчивался вольером и редкими прогулками по дому Гаррисона.

– Скоро приедем, – сказал Иван. Я услышал его сквозь шум, и почему-то мне стало чуть легче. Голос был рядом, совсем близко. Я почувствовал, как его рука легла на переноску, и вибрация чуть утихла. Он держал меня, прижимал к себе, и это было первое хорошее ощущение за всё время путешествия.

Я попробовал расслабиться. Не получилось. Каждый поворот, каждая кочка, каждый сигнал светофора – всё было новым и пугающим. Я пытался представить, где мы едем, но моё воображение рисовало только бесконечную дорогу, по которой мчит железный дракон, а я – его пленник, запёртый в пластиковой темнице.

Сколько это продолжалось? Я не знал. Время в переноске текло иначе. Минуты казались часами, часы – вечностью. Я уже начал привыкать к тряске, когда она стала усиливаться. Машина, видимо, выехала на плохую дорогу. Меня подбросило так, что я ударился о крышку, потом о стенку, потом о дно.

Я не выдержал.

Сначала это был тихий, жалобный писк. Я сам удивился, что издал такой звук. Я – аристократ, сын чемпиона, гордый британский кот – пишу, как последний новорождённый. Но я не мог остановиться. Писк становился громче, настойчивее. Я звал мать. Я звал Гаррисона. Я звал кого угодно, кто мог бы остановить этот кошмар.

– Велес? – голос Ивана был обеспокоенным. – Ты чего?

Я не ответил, потому что не умею говорить по-человечьи. Я продолжал пищать. Мой писк перешёл в жалобный вой. Я царапал стенки переноски, пытаюсь выбраться, найти выход, сбежать.

И тут произошло неожиданное.

Машина начала замедляться. Урчание мотора стихло. Тряска прекратилась. Мы остановились. Я слышал, как Иван вздохнул, как открылась дверца, как он вышел. Потом открылась задняя дверь, и переноску снова поставили на что-то твёрдое.

– Тихо, тихо, – сказал Иван. Я чувствовал, как его пальцы нащупывают замок переноски. – Сейчас, сейчас.

Замок щёлкнул. Крышка открылась.

Свет ударил в глаза. Я зажмурился, отпрянул назад, но куда там – меня уже взяли тёплые руки. Иван вытащил меня из переноски, и я оказался на свободе. Я дрожал всем телом, мои лапы болтались в воздухе, я пытался вырваться, но он держал крепко, не больно, но надёжно.

– Испугался, да? – сказал он. – Я дурак, надо было сразу догадаться.

Я не понял, что он имел в виду, но в следующую секунду он начал расстёгивать свою куртку. Она была тёмная, плотная, пахнувшая чем-то мужским и надёжным. Он распахнул её, и я увидел под ней футболку, а под футболкой – живое, тёплое тело.

Иван засунул меня внутрь куртки.

Я оказался в тесном, тёмном, но невероятно тёплом пространстве. Моя спина прижалась к его груди, я чувствовал, как бьётся его сердце – ровно, спокойно, не как моё, которое кололось где-то в горле. Мои лапы утопали в мягкой ткани футболки. Я попытался зарыться глубже, спрятаться от всего этого страшного мира.

Иван застегнул молнию, оставив снаружи только мою голову.

– Так лучше? – спросил он.

Я не ответил. Я просто сидел в его куртке, как в норке, и впервые за всё время перестал дрожать. Тепло разливалось по моему телу, прогоняя страх. Сердце Ивана стучало рядом, и этот ритм успокаивал лучше любых материнских вылизываний.

– Тогда поехали, – сказал он и пошёл обратно к водительскому месту.

Я сидел, высунув голову из куртки, и смотрел на мир. Мир изменился. Он больше не был враждебным пластиковым адом. Теперь он был огромным, светлым и... красивым, что ли?

Иван сел за руль, и машина снова заурчала. Но на этот раз урчание было не страшным. Оно отдавалось в его груди, в моей спине, и превращалось в низкое, уютное гудение, как у мамы, когда она мурлыкала перед сном.

Мы тронулись.

Я прищурился от света. Солнце стояло высоко, и его лучи падали прямо мне на морду, заставляя жмуриться и щурить нос. Я попытался спрятаться обратно в куртку, но любопытство оказалось сильнее. Я оставил нос снаружи и стал смотреть.

Вокруг мелькали деревья.

Я никогда не видел деревьев. Ну, то есть видел, конечно, но только в окно дома Гаррисона, и то мельком, когда он открывал шторы. А сейчас они были прямо передо мной, большие, зелёные, они проносились мимо с удивительной скоростью. Я провожал их глазами: ствол, ветки, листья – и всё исчезало, уступая место новому дереву, новому стволу, новым веткам.

Потом пошли дома. Не такие, как питомник, а высокие, разноцветные, с окнами, в которых мелькали тени. Потом снова деревья. Потом какие-то столбы с проводами, птицы на проводах, небо, которое меняло цвет от ярко-голубого до почти белого на горизонте.

Я вертел головой, пытаюсь увидеть всё сразу, но успевал только ловить кусочки. Мир был огромен. Он не помещался в моей голове, не укладывался в те представления, которые я успел сформировать за девять недель жизни в питомнике. Там мир был маленьким – вольтер, комната, дом Гаррисона, улица за окном. А здесь мир был бесконечным.

Я почувствовал, как Иван одной рукой держит руль, а другой придерживает меня через куртку. Его рука лежала на моей спине, тёплая, тяжёлая, и это прикосновение говорило: «Я здесь, я держу тебя, ты не упадёшь».

Я перестал вертеть головой. Я просто сидел, прижавшись к его груди, и смотрел вперёд, на дорогу, которая убегала из-под колёс. Деревья мелькали, дома мелькали, столбы мелькали, а я всё смотрел и смотрел, пока мои глаза не начали слипаться.

Тепло делало своё дело. Сердце Ивана стучало ровно и спокойно, как маятник. Машина покачивалась на поворотах, и это покачивание напоминало мне что-то давнее, почти забытое. Материнский бок. Дыхание братьев и сестёр, спящих рядом. Безопасность.

Я попытался бороться со сном. Я – аристократ, я должен быть начеку, я должен знать, куда меня везут. Но веки становились тяжёлыми, как свинцовые. Свет сквозь них казался тёплым, оранжевым. Деревья превратились в зелёные пятна. Звуки стали далёкими, приглушёнными.

Последнее, что я помнил, – это как я уткнулся носом в воротник куртки Ивана и вдохнул его запах. Пот, стиральный порошок, кофе, и ещё что-то, чему у меня не было названия, но что я потом, много лет спустя, научился называть «домом». Запах человека, который меня взял.

Я уснул.

Глава 3. Улучшенка

Сон мой был глубоким и без сновидений. Впервые за последние часы – или дни? я потерял счёт времени – я не чувствовал ни тряски, ни страха, ни чужого запаха. Было только тепло. Глубокое, всепроникающее тепло, которое обволакивало меня со всех сторон, как мамин живот, но иначе. Это тепло пахло тканью, потом и тем особым запахом, который я уже начал узнавать – запахом Ивана.

Я спал, свернувшись клубком, уткнув нос в собственный хвост. Мои лапы подрагивали во сне – наверное, мне снилась дорога. Или погоня за игрушечной мышью в питомнике. Я уже не помнил. Помнил только, что было хорошо и спокойно, и что никакая сила не заставит меня открыть глаза.

Но сила нашлась. Это было солнце.

Оно пробилось сквозь мои веки, сначала розовым, потом оранжевым, потом ярко-белым светом, который невозможно было игнорировать. Я поморщился, попытался зарыться носом глубже в то, на чём лежал, но свет был везде. Он проникал сквозь шерсть, сквозь закрытые глаза, сквозь сам сон, настойчиво требуя моего внимания.

Я приоткрыл один глаз.

И сразу же зажмурился снова.

Свет был ослепительным. Он лился откуда-то сверху, сбоку, со всех сторон сразу. Я попробовал открыть глаза снова, но уже осторожнее, щурясь, как учила мать, когда мы впервые выходили из тёмного вольера в освещённую комнату.

То, что я увидел, не было похоже ни на питомник, ни на машину, ни даже на тот короткий миг, когда я смотрел на мир из куртки Ивана.

Я лежал на чём-то мягком. Очень мягком. Мягче, чем лежанка в вольере, мягче, чем мамин живот. Это была огромная, бескрайняя поверхность, покрытая тканью, которая пахла Иваном – его потом, его шампунем, его... всем. Я лежал на его кровати. Я понял это позже, а тогда просто утонул в этой мягкости, провалился в неё, как в сугроб, о котором тогда ещё не знал.

Я лежал на спине, раскинув лапы в разные стороны, как морская звезда, которую я тоже никогда не видел. Это была поза полного доверия и расслабления. Я никогда не спал так в питомнике – там всегда нужно было быть начеку, кто-то мог наступить на хвост, отобрать тёплое место, придавить во сне. Здесь не было никого. Только я и эта огромная, пахнущая Иваном кровать.

Я перевернулся на живот и попытался встать. Лапы разъезжались – одеяло было скользким, шелковистым, не таким, как ковёр, на который меня поставили вчера. Я напряг когти, выпустил их, вцепился в ткань и наконец-то поднялся. Моё тело качнулось, я сделал шаг, другой – и понял, что всё ещё немного пьян после дороги.

Где Иван?

Я огляделся. Комната была большой. Очень большой. Гораздо больше, чем комната с вольером в питомнике. Потолок высокий, белый, с каким-то странным светильником посередине, который сейчас не горел. Стены были светлыми, почти белыми, и на них висели какие-то штуки – картины, как я узнал позже. Окно было огромным, во всю стену, и через него лился тот самый солнечный свет, который разбудил меня. Шторы – тяжёлые, тёмные – были раздвинуты, и солнце врвалось в комнату без спроса, как незваный гость.

Я принялся. Запах Ивана был здесь, но он был... старым. Свежего запаха не было. Значит, Иван ушёл. Ушёл давно. Или недавно? Я не умел тогда определять время по запахам. Я только чувствовал, что его нет, и это было странно. В питомнике кто-то всегда был рядом – мать, Гаррисон, братья, сёстры. Здесь я был один.

Я сделал шаг к краю кровати и заглянул вниз. Пол был далеко. Очень далеко. Для котёнка, который ещё не научился прыгать, это была пропасть. Я отступил назад, прошёлся по кровати туда-сюда, нашёл край поуже и осторожно спустил передние лапы. Ткань была скользкой, я повис, царапая когтями покрывало, и наконец рухнул вниз, приземлившись на что-то мягкое.

Это был ковёр. Тот самый, на который меня поставили вчера. Он был пушистым, тёплым и пах чем-то синтетическим, но не противным. Я отдышался, встряхнулся, отряхивая шерсть от пережитого унижения, и огляделся уже с пола.

Мир изменился. С высоты кровати он казался другим, более плоским, что ли. А теперь, с земли, всё стало огромным. Мебель возвышалась надо мной, как деревья в том парке, мимо которого мы проезжали. Ножки стола, стульев, тумбочек – всё это был лес, в котором я мог заблудиться.

Я сделал шаг. Потом другой. Ковёр пружинил под лапами, и это было приятно. Я пошёл вдоль стены, принохиваясь к каждому сантиметру. Здесь пахло Иваном, но также пылью, солнцем и чем-то ещё, чему у меня не было названия. Воздух был неподвижным, тихим. Никто не бежал, не пищал, не дышал рядом. Тишина давила на уши.

Я вышел в коридор.

Коридор был длинным. Я остановился на пороге и посмотрел вдаль. В конце коридора я видел ещё одну дверь, а слева – ещё одну. Пол здесь был другим, не ковровым, а гладким, прохладным. Я сделал шаг – и свет зажёгся.

Я подпрыгнул, прижался к полу, зашипел. Свет зажёгся сам. Без Ивана, без Гаррисона, без кого-либо. Просто... зажёгся. Я замер, вглядываясь в потолок, откуда лился ровный белый свет. Никого. Ничего. Только лампочка, которая почему-то решила включиться именно сейчас.

Я осторожно шагнул назад, в комнату. Свет погас.

Я шагнул вперёд, в коридор. Свет зажёгся.

Я сделал это несколько раз, пока не понял: свет включается, когда я иду. Он слушается меня. Или, наоборот, следит за мной. Я не решил тогда, хорошо это или плохо. Но решил, что буду осторожен.

Коридор был моим первым открытием. Я прошёлся по нему от начала до конца, останавливаясь у каждой двери. Первая дверь была закрыта. Я поскрёб её лапой, но она не поддавалась. Я принохался – из-за неё пахло Иваном, но старым запахом, как на кровати. Наверное, там он хранил свои вещи.

Вторая дверь была приоткрыта. Я просунул голову и увидел маленькую комнату. В ней стоял какой-то большой предмет, покрытый тканью, и пахло здесь пылью и старыми вещами. Я не стал заходить – слишком много новых запахов сразу.

Третья дверь вела в комнату, которая оказалась самой интересной. Это была кухня.

Я понял это сразу, как только переступил порог. Запахи! Здесь пахло едой. Не той едой, которую я знал по питомнику – кормом, паштетом, молоком. Здесь пахло чем-то другим, более сложным. Холодильник гудел в углу, и из него тянуло холодом и чем-то вкусным. Я подошёл к нему, понюхал щель между дверцей и корпусом, но ничего не понял. Потом я нашёл миску.

Она стояла на полу, в углу, рядом с большой бутылкой воды, перевёрнутой вверх дном. В миске лежало что-то белое, мелко нарезанное. Я понюхал. Курица. Свежая, варёная, нарезанная маленькими кусочками. Запах был таким вкусным, что у меня потекли слюнки. Я съел один кусочек. Он был нежным, мягким, совсем не таким, как твёрдые шарики, которые иногда давал Гаррисон. Я съел ещё несколько. Потом напился из поилки – вода была свежей, прохладной, и это было хорошо.

Значит, Иван позаботился обо мне. Он оставил еду. Настоящую еду, не какую-то сухоматку. Я почему-то был уверен, что это он сам приготовил, сам нарезал, сам положил в миску. Эта мысль успокоила меня, но не до конца. Я всё ещё был один в огромной, незнакомой квартире, и каждый шорох заставлял мои уши вздрагивать.

Я вернулся в коридор и пошёл дальше. Там была ещё одна дверь, и она была открыта. Я заглянул внутрь и увидел комнату, полную белых предметов. Унитаз, раковина, ванна. Я зашёл, принохался. Здесь пахло водой, мылом и ещё чем-то химическим, чистым. Я подошёл к раковине, встал на задние лапы, но достать до края не смог. Тогда я пошёл к ванне. Она была большой, белой и пустой. Я запрыгнул внутрь – это было легко, край был низким – и походил по гладкому, холодному дну. Ничего интересного.

Потом я нашёл лоток.

Он стоял в углу, рядом с унитазом. Это был пластиковый короб, наполненный какими-то мелкими серыми комочками. Я понюхал их. Запах был странным, но не пугающим. Я покопался в них лапой – они были лёгкими, сыпучими. Я понял, что это. В питомнике у нас был похожий короб, только наполненный опилками. Гаррисон называл это «туалет». Мы, котята, быстро научились им пользоваться. Мать показывала, как копать, как закапывать, и мы запоминали.

Я сел в лоток, сделал свои дела, старательно закопал и вышел. Я был доволен собой. Я – аристократ, я знаю правила приличия.

Я вернулся в коридор и вдруг услышал звук. Тихий, жужжащий, он шёл откуда-то из глубины квартиры. Я замер, прижал уши. Звук приближался. Я вжался в пол, готовясь к обороне.

Из-за угла выехало нечто.

Это была плоская, круглая штука, чёрная и блестящая. Она двигалась сама по себе, тихо жужжа, и время от времени стучалась о стены, разворачивалась и ехала дальше. Я смотрел на неё, и моё сердце колотилось где-то в горле. Что это? Живое? Неживое? Чудовище? Друг?

Штука подъехала ко мне, остановилась, будто рассматривая меня, и поехала дальше. Я выдохнул. Но расслабляться было рано. Штука развернулась и поехала обратно. Я отскочил. Она проехала мимо, ткнулась в стену, постояла и поехала в другую сторону.

Я последовал за ней. Осторожно, на расстоянии. Штука ездил по коридору, заезжала в комнаты, выезжала обратно, и всё это время она жужжала. Я понял, что она не опасна. Она просто... ездит. Может быть, это такая игрушка? В питомнике у нас были игрушки, которые двигались, но они были меньше и не такие умные.

Я набрался смелости и прыгнул на штуку. Она качнулась, но не остановилась. Я сидел на ней, как на боевой колеснице, и мы вместе поехали по коридору. Это было весело. Я даже замурлыкал. Потом штука подъехала к стене, ткнулась в неё, и я чуть не свалился. Я спрыгнул и посмотрел на неё с уважением.

– Ты странный, – сказал я ей. – Но, кажется, мы подружимся.

Штука не ответила. Она развернулась и поехала обратно в комнату, откуда выехала. Я последовал за ней и увидел, как она залезла на какую-то штуку, которая, судя по всему, была её домом. Там она остановилась, перестала жужжать и затихла.

Я посидел рядом, подождал, но она больше не двигалась. Тогда я лизнул её – на вкус она была пластмассовой и пыльной. Не очень вкусно. Я потерял к ней интерес и пошёл дальше.

Квартира была огромной. Я обошёл все комнаты, заглянул в каждый угол, понюхал каждую щель. В гостиной я нашёл диван – огромный, мягкий, пахнущий Иваном. Я запрыгнул на него (это было нелегко, но я справился) и прошёлся по подушкам. Здесь было хорошо. Мягко, тепло, и запах хозяина был сильнее, чем где-либо ещё.

Я лёг, свернулся клубком и закрыл глаза. Но уснуть не смог. Слишком много мыслей крутилось в моей голове. Где Иван? Когда он вернётся? Что это за место? Почему свет зажигается сам? Кто эта круглая штука? И почему здесь так тихо?

В питомнике всегда было шумно. Котята пищали, мать мурлыкала, Гаррисон ходил, говорил по телефону, включал телевизор. Здесь же тишина была такой густой, что я слышал собственное сердцебиение. И каждый новый звук – скрип трубы, шум лифта за стеной, шаги соседей сверху – заставлял меня вздрагивать.

Я пролежал на диване, наверное, час. Потом мне стало скучно. Я слез, прошёлся по гостиной, поиграл с какой-то веревочкой, которая валялась под столом. Потом пошёл на кухню, съел ещё несколько кусочков курицы, напился воды. Потом вернулся в коридор, посмотрел на закрытую дверь, за которой пахло Иваном, но не решился её открыть.

Потом я заметил окно.

Оно было в гостиной, огромное, во всю стену. Я подошёл к нему, встал на задние лапы, передними опёрся о подоконник и посмотрел наружу.

Мир за окном был огромен. Я видел дома – высокие, серые, с множеством окон. Видел деревья – они качались от ветра, и их листья шелестели. Видел небо – голубое, бесконечное, с белыми облаками, которые медленно плыли куда-то. Видел людей – они ходили внизу, маленькие, как муравьи, и я смотрел на них с высоты и чувствовал себя... выше.

Я просидел у окна долго. Я следил за птицами, которые садились на карниз и тут же улетали. Я следил за машинами, которые ездили по дороге, как те, в которой меня везли. Я следил за тенью, которая двигалась по стене, когда солнце меняло своё положение.

Солнце двигалось. Я заметил это случайно – свет, который падал на пол, медленно полз от одного края комнаты к другому. Я проследил за ним, и вдруг понял, что прошло уже много времени. Солнце уже не было там, где я проснулся. Оно переместилось. Значит, прошло несколько часов.

А Иван всё не возвращался.

Меня начало охватывать беспокойство. Что, если он не вернётся? Что, если он оставил меня здесь навсегда? Я вспомнил, как Гаррисон отдавал котят чужим людям. Я вспомнил, как мои братья и сёстры уходили в переносках и больше не возвращались. Что, если Иван – такой же? Что, если он взял меня, привёз сюда и ушёл навсегда?

Я забеспокоился. Я прошёлся по квартире, проверяя все углы, все комнаты. Я понюхал каждую дверь, каждый стул, каждую щель. Я заглянул под диван, за шторы, в ванну. Нигде не было Ивана.

Я сел в коридоре, поднял голову к двери и закричал.

Сначала это был жалобный писк, потом он перешёл в вой. Я звал Ивана. Я звал мать. Я звал кого угодно. Мой голос отражался от стен, возвращался ко мне, и я пугался этого эха, но не мог остановиться. Я орал, пока не охрип. Потом замолчал, прислушался.

Тишина.

Я забился в угол, свернулся клубком и заплакал. Я был маленьким, глупым котёнком, который не понимал, что происходит. Я хотел домой. Я хотел в питомник, к матери, к братьям и сёстрам. Я хотел, чтобы всё было как раньше.

Но раньше уже не вернуть.

Я не знаю, сколько я так просидел. Может, час. Может, два. Время в пустой квартире текло медленно, как патока. Я смотрел на дверь, на свет, который полз по полу, и ждал.

А потом я услышал шаги.

Сначала я не поверил. Подумал, что мне кажется. Но шаги были настоящими – они доносились с лестничной клетки, тяжёлые, уверенные. Ключ заскрежетал в замке.

Я вскочил. Сердце заколотилось. Я побежал к двери, скользя лапами по гладкому полу, и встал на пороге.

Дверь открылась.

Иван вошёл в квартиру, усталый, с портфелем в руке. Он снял ботинки, повесил куртку и вдруг заметил меня.

Я смотрел на него снизу вверх. Он смотрел на меня сверху вниз.

– Живой, – сказал он. – И уже на ногах.

Я не понял слов, но понял интонацию. Он был рад меня видеть.

Он прошёл на кухню, поставил портфель, достал из пакета какой-то свёрток. Из свёртка пахло чем-то вкусным. Я пошёл за ним, не отрываясь, и сел у его ног, глядя, как он разворачивает еду.

– Ну, смотри, – сказал он, выкладывая на тарелку кусок варёной курицы. – Это тебе. Будешь есть не сухомятку, не гадость всякую, не консервы. Будешь есть то, что ем я.

Он оторвал небольшой кусочек и протянул мне. Я осторожно взял его зубами. Это было вкусно. Очень вкусно. Гораздо вкуснее, чем курица, которую он оставил в миске утром – наверное, потому, что он давал её сам.

– Понял? – спросил он, глядя, как я жую. – Натуральная еда. Мясо, рыба, сметанка. Никаких этих... – он поморщился, – кормов. Гаррисон говорил, ты аристократ, значит, и питаться будешь как аристократ.

Я съел ещё кусочек. Потом ещё. Потом Иван сел за стол, и я запрыгнул к нему на колени. Он не прогнал меня. Он положил руку мне на спину и начал гладить. Его рука была тёплой, тяжёлой, и я чувствовал, как моё беспокойство уходит вместе с каждым поглаживанием.

– Ты, наверное, испугался, – сказал он. – Один в незнакомом месте. Я знаю, это тяжело. Но работа есть работа. Том-менеджер – это когда тебя дёргают в любую минуту.

Я замурлыкал. Я не мог сказать ему, что я действительно испугался, что я орал, что я плакал, что я думал, что он не вернётся. Но мурлыканье, кажется, было достаточным ответом.

– Ничего, привыкнешь, – сказал Иван. – Это теперь твой дом. А я – твой человек. Мы с тобой будем жить вместе. Долго. Я надеюсь.

Я поднял голову и посмотрел ему в глаза. Его глаза были усталыми, но в них было что-то тёплое, что я уже начинал узнавать.

Я лизнул его руку. Он усмехнулся.

– Аристократ, – сказал он. – А лижешься, как простая дворняга.

Я не знал, что такое «дворняга», но понял, что это не комплимент. Я обиженно отвернулся, но он погладил меня за ухом, и я снова замурлыкал.

Мы сидели так долго. Иван ел, я сидел у него на коленях и смотрел, как за окном темнеет. Жалюзи опустились сами, когда солнце село, и в комнате зажёгся мягкий, приглушённый свет.

– Умный дом, – сказал Иван, заметив, как я насторожился. – Всё само включается. Соседям покажешь, они обзавидуются.

Я не понял, что такое «умный дом», но понял, что это та самая штука, которая включает свет, когда я хожу. Значит, это не духи. Это просто... умный дом.

– Спать хочешь? – спросил Иван.

Я зевнул в ответ. День был долгим, полным новых впечатлений, страха, открытий и, наконец, облегчения. Мои глаза слипались, тело наливалось тяжестью.

Иван взял меня на руки, отнёс в спальню и положил на кровать. Я зарылся в одеяло, пахнущее им, и свернулся клубком.

– Спи, Велес, – сказал он. – Завтра будет новый день.

Он лёг рядом, и я почувствовал его тепло. Его рука снова легла на мою спину, и я слышал, как бьётся его сердце – ровно, спокойно, обещая, что всё будет хорошо.

Я закрыл глаза. Впервые за этот долгий день я чувствовал себя в безопасности. Не в переноске, не в куртке, а здесь, на этой кровати, рядом с этим человеком.

Мой человек. Мой дом.

Я уснул, и мне ничего не снилось.

Глава 4. Иван. Тот, кто приносит еду и показывает кулак

Первые дни в новой жизни были похожи на затянувшийся экзамен. Я, Велес, потомственный аристократ, сын Лорда Виндзора Блю и Герцогини Элинор фон Блю, должен был доказать этому двуногому существу по имени Иван, кто в доме главный. Иван, судя по всему, придерживался противоположного мнения. Так началась наша война – долгая, изнурительная, полная унижений с обеих сторон, но в итоге приведшая к тому самому странному состоянию, которое люди называют дружбой.

Сначала я наблюдал. Изучал. Составлял досье.

Иван оказался существом предсказуемым. Каждое утро, ровно в то время, когда за окном начинало светлеть, он начинал шевелиться в кровати. Я уже лежал рядом – за ночь я неизменно переползал с края кровати прямо к нему на грудь, потому что там было теплее всего. Иван кряхтел, открывал глаза, смотрел на меня мутным спросонья взглядом и говорил:

– Опять ты на мне. Тяжёлый, как гирия.

Я делал вид, что сплю. Иван осторожно перекладывал меня на подушку, вставал и шёл в ванную. Я приоткрывал один глаз, провожал его взглядом и ждал.

Через десять минут он выходил – умытый, но всё ещё сонный – и шёл на кухню. Там начиналось самое интересное. Иван открывал холодильник, доставал продукты, что-то резал, варил, жарил. Запахи стояли такие, что у меня текут слюнки даже сейчас, когда я вспоминаю. Он готовил всегда для двоих – для себя и для меня. Для меня отдельно, без соли, без специй, но из тех же продуктов, что и для себя.

– Ты будешь есть то, что ем я, – повторил он в один из первых дней, ставя передо мной миску с кусочками отварной курицы. – Никаких сухомыток, никаких консервов. Ты аристократ или кто?

Я, конечно, аристократ. И аристократы не едят из миски на полу. Но я был голоден, а курица пахла восхитительно. Я съел всё, а потом запрыгнул на стол, чтобы вылизать тарелку Ивана. Он не успел её убрать.

– Эй! – возмутился он. – Это моя тарелка!

Я посмотрел на него с высоты своего кошачьего величия и лизнул ещё раз. Иван вздохнул, убрал тарелку и сказал:

– Ладно, первый раз прощается.

Я понял, что это неписаное правило: первый раз прощается. Второй – тоже. А третий... третий он показывал кулак.

Но до кулака нужно было дожить.

Мой режим дня строился вокруг режима Ивана. Утром – кормёжка, потом Иван уходил. Он надевал строгую рубашку, брюки, туфли, брал портфель – и исчезал за дверью. Я оставался один.

Первые дни я орал после его ухода. Сидел в коридоре, смотрел на дверь и орал. Надеялся, что он вернётся. Он не возвращался. Потом я понял, что это бесполезно, и начал исследовать квартиру.

Квартира была огромной. Девяносто квадратных метров – я тогда не знал этих цифр, но чувствовал масштаб. Две комнаты, длинный коридор, отдельный санузел и ванная, кухня. Всё это было моим. Моим! В питомнике у меня был вольер, пусть и просторный, но это был общий вольер. Здесь же – целое королевство, и я – его единоличный правитель.

Я обошёл все углы. В спальне Ивана пахло им – потом, стиральным порошком, кофе и ещё чем-то, чему я не мог подобрать названия. Наверное, это был запах одиночества. Я не знал тогда, что Иван живёт один, что у него нет ни жены, ни девушки, ни даже кота, кроме меня. Я только чувствовал, что запах в его комнате был каким-то... неполным, что ли.

В гостиной стоял большой диван, который сразу стал моим любимым местом. С него открывался вид на окно, на улицу, на весь двор. Я мог часами сидеть на подоконнике (когда научился туда запрыгивать), наблюдать за птицами, за людьми, за машинами. Мир за окном был огромен, и я чувствовал себя его властелином, сидя на своём наблюдательном пункте.

На кухне, помимо еды, было много интересных штук. Холодильник, который гудел и внутри которого было холодно. Плита, на которой Иван что-то жарил, и она становилась горячей. Я быстро понял, что на плиту лучше не прыгать. И прочие металлические предметы, которые гремели, падали и вообще вели себя непредсказуемо.

В ванной я нашёл лоток. Сначала я отнёсся к нему с подозрением – наполнитель был не такой, как в питомнике. Но делать нечего, я начал им пользоваться. Иван, кстати, убирал за мной с завидной регулярностью. Это было приятно – значит, он служит мне.

В один из первых дней я решил проверить границы дозволенного. Я отошёл от лотка подальше – выбрал угол в гостиной, за креслом, и сделал свои дела там. Не потому, что забыл, куда ходить, а потому, что мне было интересно: как отреагирует Иван?

Он отреагировал грандиозно.

Вернувшись с работы, он сразу заметил лужу. Запах, наверное, был сильным. Я сидел на диване и смотрел, как он заходит в гостиную, останавливается, нюхает воздух. Лицо его изменилось.

– Что это? – спросил он у меня.

Я отвернулся. Делаю вид, что не понимаю.

Иван нашёл лужу. Он постоял над ней, потом повернулся ко мне. Я почувствовал неладное и попытался спрыгнуть с дивана, но он был быстрее. Он схватил меня за шкурку – точно так же, как когда-то делал Гаррисон, – и понёс к луже.

– Нельзя! – сказал он страшным голосом. – Нельзя!

Он ткнул меня носом прямо в лужу. Это было унижительно. Я зашипел, вырвался, отбежал в угол и оттуда смотрел на него с ненавистью. Иван вздохнул, взял тряпку, вытер лужу, потом подошёл ко мне, схватил снова, отнёс к лотку и несколько раз провёл моей лапой по наполнителю.

– Здесь надо, понял? Здесь!

Я понял. Я понял, что этот человек не будет терпеть мои выходки. Но я также понял, что он не ударил меня. Он мог бы – его кулак был большим и, наверное, тяжёлым. Но он не ударил. Он ткнул носом и показал кулак.

– Запомни, – сказал он, сжимая кулак перед моим носом. – Ещё раз так сделаешь – получишь.

Я не знал, что значит «получишь», но интуиция подсказывала: ничего хорошего.

На следующий день я сходил в лоток. Демонстративно. При Иване. Он посмотрел, кивнул и сказал:

– Умница.

И дал кусочек курицы.

Я понял стратегию: правильное поведение поощряется едой, неправильное – кулаком. Но я был аристократом, а аристократы не подчиняются правилам, они их устанавливают. Поэтому война продолжалась.

Следующим фронтом стал диван.

Диван был огромным, мягким, пахнущим Иваном. Я обожал на нём спать, драть когти, оставлять шерсть. Иван, вернувшись с работы, обнаружил мои художества и пришёл в ужас.

– Это итальянский диван! – закричал он. – Итальянский!

Я не знал, что такое «итальянский», но понял, что это что-то важное. Иван купил когтеточку – высокий столбик, обмотанный верёвкой. Поставил её рядом с диваном. Взял меня, поднёс к когтеточке, провёл моими лапами по верёвке.

– Вот здесь надо точить когти, понял? Здесь!

Я посмотрел на когтеточку, потом на диван. Когтеточка была чужой, не пахла Иваном. Диван пах. Выбор был очевиден.

Как только Иван уходил на работу, я шёл к дивану и методично драл его угол. Это было приятно – когти входили в ткань легко, оставляя длинные полосы. Я оставлял своё послание: здесь живёт кот. Аристократ.

Иван боролся. Он купил спрей с каким-то отвратительным запахом, брызгал на диван, но я затыкал нос и продолжал своё дело. Он накрывал диван пледом – я сдирал плед. Он ставил когтеточку прямо перед диваном – я обходил её. Это была битва умов, и я выигрывал.

Но однажды Иван застал меня на месте преступления. Я так увлёкся, что не услышал, как он вошёл. Он стоял в дверях гостиной, смотрел на меня, на ободранный угол дивана, и молчал.

– Велес, – сказал он тихо.

Я замер, застыв с поднятой лапой.

Иван подошёл, взял меня за шкурку, поднёс к дивану, ткнул носом в ободранный угол, потом поднёс к когтеточке, провёл лапами по верёвке. Потом показал кулак.

– Нельзя, – сказал он. – Нельзя диван. Можно когтеточку. Понял?

Я понял. И на следующий день снова драл диван.

Иван сдался. Он купил чехол на диван, который можно было менять, и поставил вторую когтеточку. Я драл обе, но диван тоже не забывал. Это стало нашим компромиссом: я деру диван, он делает вид, что не замечает. До тех пор, пока дырок не становится слишком много. Тогда он снова показывает кулак, я делаю вид, что испугался, и неделю хожу к когтеточке. Потом всё повторяется.

Самая серьёзная битва произошла из-за курицы.

Это был вечер. Иван приготовил ужин – целую курицу, запечённую в духовке. Запах стоял такой, что у меня потекли слюнки, пока он её доставал. Он положил курицу на тарелку, остудить, и вышел в коридор – кажется, отвечать на звонок.

Я сидел на полу, смотрел на курицу. Она была на столе. Я никогда не прыгал на стол – Иван запрещал, показывал кулак, и я, в общем-то, соглашался, что стол – его территория. Но курица пахла так, что все запреты вылетели из головы.

Я прыгнул.

Стол был высоким, но я справился. Я приземлился прямо рядом с тарелкой, нос к носу с курицей. Она была горячей, но я не чувствовал боли – только запах. Я схватил зубами куриную ножку и потянул на себя. Тарелка загремела, курица покатила по столу, я ухватил добычу и прыгнул на пол с ножкой в зубах.

Тут же вошёл Иван.

Он увидел пустую тарелку на столе, курицу, которая лежала на боку, и меня с ножкой в зубах. Я замер, глядя на него снизу вверх. Ножка была вкусной, горячей, сочной. Я не собирался её отдавать.

– Велес, – сказал Иван. Голос его был спокоен. Слишком спокоен. Это было страшнее крика.

Он подошёл, наклонился, вытащил ножку у меня изо рта. Я зарычал – впервые в жизни я зарычал на человека. Иван не отступил. Он взял меня за шкурку, поднёс к столу, ткнул носом в пустую тарелку, потом показал кулак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.